

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

И.Н. ТАРТАКОВСКАЯ

ГЕНДЕРНАЯ ТЕОРИЯ КАК ТЕОРИЯ ПРАКТИК: ПОДХОД РОБЕРТА КОННЕЛЛА

Статья посвящена анализу работ одного из самых известных и влиятельных на сегодняшний день гендерных теоретиков, автора теории гендерной системы Роберта Коннелла. Коннелл предложил свою версию структурно-конструктивистского подхода к изучению гендерных отношений и обогатил гендерные исследования, в частности, такими понятиями, как «гендерный порядок» и «гендерные режимы», ныне чрезвычайно широко употребляемыми. Хотя ни одна из его работ по сей день полностью не переведена на русский язык, они достаточно хорошо известны в России и много цитируются [3, 7, 9, 11, 13 и др.]. Тем не менее, критический анализ его взглядов пока был предложен, пожалуй, лишь в одной небольшой публикации [6]. В данной статье мы надеемся хотя бы частично заполнить этот пробел и пригласить к методологической дискуссии, основанной на идеях этого австралийского ученого, близких гендерной теории, развиваемой в России.

Для этих целей, прежде всего, будет обозначена специфика теории Роберта Коннелла по сравнению с другими подходами, сложившимися на сегодняшний день в гендерной теории, затем будет предложен критический анализ модели четырех структур, или измерений, гендерного порядка общества, прослежены основные «точки напряжения», возникающие в этой модели, и, наконец, рассмотрен фундаментальный вопрос о соотношении гендера с другими измерениями социальной стратификации.

Тартаковская Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института сравнительных исследований трудовых отношений. **Электронная почта:** i_tartakovskaya@yahoo.com

«Теория практик» и ее отличие от предыдущих подходов

Хотя Р. Коннелл по сей день остается активно работающим автором и регулярно публикует новые статьи и книги, наибольшей известностью пользуется его работа почти двадцатилетней давности «Гендер и власть. Общество, личность и сексуальная политика» [20].

Прежде чем перейти к изложению своих идей, Коннелл предлагает в этой работе весьма подробный анализ сложившихся подходов к изучению полового различия. При этом автор отходит от традиционных классификаций теоретических моделей, которые обычно в первую очередь основываются на различении эссенциалистского и феминистского подходов, и указывает на четыре основных парадигмы анализа гендерных отношений: марксистскую, поло-ролевою, категориальную и «теории практик».

Нет необходимости здесь подробно останавливаться на этих парадигмах, тем более что соответствующая глава знаменитой работы опубликована на русском языке [22], однако стоит отметить, что во главе угла этой классификации лежит не столько способ объяснения причин гендерного неравенства, сколько сама логика теоретизирования. Первая парадигма — это адаптация классового анализа, причем применимость его основных категорий для гендерной теории оказывается весьма проблематичной. Вторая — применение (и упрощение) положений структурно-функционального подхода, который здесь не вполне успешно выполняет свою задачу, поскольку опирается на биологические основания в интерпретации различий полов, никак их не проблематизируя и не имея, таким образом, возможности объяснить, как и почему происходят изменения гендерных порядков. На критике третьей парадигмы, которую Коннелл называет введенным им самим термином «теория гендерных категорий», или категориальным подходом, он останавливается особенно подробно. К этой парадигме отнесена группа очень различных по своему содержанию теорий, включая и биологический детерминизм, и многие направления радикального феминизма второй волны, в том числе теорию гендерной системы Г. Рубин и теорию воспроизводства материнской заботы Н. Ходоров.

Критикуя феминистскую теорию патриархата как образец категориального подхода, Коннелл, тем не менее, не отказывается полностью от употребления этого понятия, в частности, указывает на то, при существующем гендерном порядке мужчины получают «патриархатные дивиденды». Многие авторы критиковали теорию патриархата как единой системы и высказывали серьезные сомнения в ее полезности [14–16]. Однако мало кто отдавал себе полностью отчет в том, что отмена теории патриархата в известной мере означает разрыв с идеей «гендера» как такового — конечно, не в качестве основания для социального разделения общества, а в качестве атрибута категорий людей с определенными половыми характеристиками. Как

пишет Д. Рейли, гендер становится относительной переменной, актуализирующейся в данных исторических и социальных условиях и конструируемой в рамках определенных дискурсов. Таким образом, гендер можно считать переменной, имеющей разное, в зависимости от ситуации, социальное значение; иногда эта переменная может быть и иррелевантна как объяснительная категория. Например, понятие «женщина» является историческим и социальным конструктом, наполненным разным смыслом в разных дискурсивных ситуациях. В рамках этого общего понятия отдельные женщины могут обладать совершенно разным статусом и вкладывать в понятие «быть женщиной» разные смыслы [35].

И, тем не менее, это не означает, что женщины как таковой «не существует» и что гендер не имеет онтологического базиса. Скорее можно говорить о том, что использование понятия «гендер» в качестве универсальной социальной переменной не только (и не столько) позволяет увидеть новые измерения социальности, но и трансформирует наше представление о ней. И поэтому для аналитических целей было бы полезнее не считать гендер универсальным референтом, а сфокусировать внимание на том, в каких случаях этот референт может быть успешно применен, а в каких — нет.

Таким образом, в качестве четвертой парадигмы Коннелл представляет свой подход как теорию практик и выделяет в них, следуя традиции, «три источника и три составные части»: во-первых, теорию практики, *praxis*, сформулированную в русле философской критики ортодоксального марксизма; во-вторых, дуалистскую теорию отношений между структурой и практиками, предложенную теоретической социологией (так называемая «объединительная парадигма», связываемая, прежде всего, с именами Э. Гидденса и П. Бурдьё), и, в-третьих, контекстуальный анализ идентичности, личного действия и межсубъектных отношений, предлагаемый социальной психологией. Последний может быть легко переформулирован в терминах конструктивистской микросоциологии, *doing gender*.

С социологической точки зрения важно, что модель Коннелла, хотя и ориентирована в первую очередь на описание *практик*, то есть действий конкретных людей, не теряет из поля зрения также уровень институтов и социальной структуры общества в целом. В ее рамках выделяются гендерные режимы, определяющие правила гендерного поведения и взаимодействия в отдельных институтах, и гендерный порядок, который регулирует эти отношения в масштабах всего данного общества. Под «обществом» Коннелл «по умолчанию» понимает то или иное национальное государство, но он также подчеркивает, что существует и мировой гендерный порядок, роль которого становится все более и более заметной.

Взаимоотношения уровней гендерной системы

Надо сказать, что отношения Коннелла со структурализмом и самим понятием социальной структуры во всех его работах остаются непростыми: с одной стороны, для него чрезвычайно важен тезис об исторически преходящем существовании любой социальной структуры. Более того, он постоянно подчеркивает, что люди своими практиками, своей деятельностью способны изменять гендерный порядок и бросать ему вызов, и, собственно говоря, свою задачу как теоретика он видит как раз в том, чтобы снабдить движение за гендерное равноправие необходимыми научными идеями, на базе которого оно могло бы действовать: заключительные параграфы всех его основных работ носят выразительные названия «Стратегии», «Формы действия», «Политики изменения маскулинности» и т. п. [20, р. 280-286; 21, р. 238-241; 22, р. 197-211]. С другой стороны, по мере того как он в своих «структурных описаниях» поднимается от уровня анализа индивидуального поведения до деятельности макросоциальных институтов, его логика становится все более и более структуралистской.

Коннелл говорит о множестве подходов к пониманию того, что представляет собой гендерная система. В общем и целом они сводятся к попыткам описать некую метаструктуру, определяющую формы гендерных отношений в данном обществе. Однако, как напоминает Коннелл, сам концепт социальной структуры, несмотря на свое фундаментальное значение для социальных наук, является довольно туманным. Его использование простирается от сложных, продуманных моделей Пиаже, Леви-Стросса и Альтюссера до гораздо более распространенных случаев, когда структурой называется все, что соответствует некому различимому паттерну. Большинство работ, написанных о гендере, явно тяготеет к второй разновидности. Авторы часто приходят к смутной идее о том, что гендерные отношения подчиняются некому общему порядку, но мало что проясняют в том, что же это за порядок [20, р. 92-94].

Понятие структуры как фундаментального типа отношений, который не присутствует непосредственно в социальной жизни, но незримо лежит в основании всей сложности интеракций и институтов, является общим для всех видов структурализма в социальных науках. По мнению Коннелла, это большой шаг вперед по сравнению с простейшими дескриптивными представлениями о структуре, но он же порождает и серьезные теоретические проблемы, что проявляется, в частности, в леви-строссовской теории родства. Главная трудность, выявленная в ходе двух десятилетий критики структурализма, связана с тем, что он основан на логике, несовместимой с представлением о практике как сути социальных процессов, и, соответственно, с последовательной историчностью в социальном анализе. Без историчности же политика изменений становится нереальной, что вызывает особенно решительную критику Коннелла.

Чтобы отделить свое понимание структуры от классического структурализма, Коннелл пытается расстаться с самим этим термином и вводит вместо него понятие «композиция», в смысле музыкальной композиции, которая может исполняться со значительными вариациями. Различными также могут быть партии, сыгранные разными инструментами социального оркестра: Коннелл подчеркивает, что гендерные режимы различных институтов обычно соответствуют общему для них гендерному порядку, но могут и «импровизировать», отличаться друг от друга (таким образом, речь, скорее всего, идет о некой джазовой композиции). Правда, предложив эту красивую метафору, Коннелл в дальнейшем практически перестает ею пользоваться и незаметно возвращается к терминам «структура» и «система» [20, р. 116–117] (от которых, впрочем, в последних своих работах тоже практически отказывается).

Если обратиться теперь собственно к структуре гендерных отношений, то наиболее родственными Коннеллу авторами, по его признанию, оказываются представительницы марксистско-психоаналитического феминизма Джульет Митчелл и Гейл Рубин. Обе они предлагают свои варианты описания гендерной структуры, или гендерной системы, общества (сам Коннелл пользуется то одним, то другим термином), которые базируются на институте родства как кросскультурном базисе полового неравенства. Их подход к структуре, основанной на родстве, опирается на классический труд Клода Леви-Стросса «Элементарные структуры родства», в котором невероятное разнообразие собранных этнографами и историками материалов сводится к универсальной базовой системе обмена [29]. Леви-Стросс описал ее как обмен женщинами, происходящий между группами мужчин, и принял это за основание общества как такового. Для Митчелл и Рубин этот обмен лег в основу подчинения женщин.

Однако система «пол/гендер», предложенная Рубин, не устраивает Коннелла тем, что она зиждется на одном единственном основании — отношениях родства, и тем самым не может объяснить многие другие виды гендерных отношений, никак не сводимые к родственным. Более продуктивным ему представляется подход Митчелл, которой принадлежит идея о том, что структура, регулирующая гендерные отношения в обществе, носит на самом деле не унитарный, а множественный характер. Она выделила в своей модели четыре относительно независимые (хотя и взаимосвязанные) структуры: производство, воспроизводство, социализацию и сексуальность, в каждой из которых порождается определенная форма угнетения женщин [32]. Коннелл, однако, справедливо указывает, что эта типология имеет смешанные основания: если работа, уход за детьми и сексуальность являются типами практик, то «репродукция» и «социализация» — социальными функциями. Помимо этого логического противоречия,

подход Митчелл имеет и другие минусы: в одном и том же типе практики гендерные отношения могут существенно различаться: например, в гомо- и гетеросексуальных отношениях. На этом моменте мне бы хотелось заострить внимание: в эмпирических исследованиях предложенные Коннеллом автономные подструктуры, или «композиции», гендерных отношений нередко также воспринимаются как разные сферы жизни, и тем самым его позиция как бы уравнивается с позицией Митчелл. На самом деле она служит для него лишь отправным пунктом.

Коннелл подчеркивает, что все четыре структуры гендера могут присутствовать и зачастую присутствуют в одной и той же ситуации: «Я не имею в виду, что они действуют в различных сферах жизни. На практике они постоянно смешиваются и взаимодействуют. Я выделил эти структуры *аналитически* (курсив Коннелла. — *И.Т.*), потому что прослеживание их логики помогает понимать невероятно сложную реальность. Это не означает, что саму реальность можно разложить по коробочкам» [19, р. 68].

Базовые измерения гендерной системы: труд, власть, катексис, символические репрезентации

Коннелл полагает, что для того чтобы построить многополюсную модель гендерной системы, необходимо уловить различия в *социальной динамике*, в процессах изменения, и проследить их логику. Недостаток теории патриархата в том, что она не чувствительна ни к тенденциям выравнивания гендерной асимметрии (а такие тенденции в современном мире очевидно присутствуют), ни к весьма существенным различиям в типах патриархатных отношений (например, патриархатными обществами были и царская, и социалистическая Россия, притом что гендерные системы в нашей стране до и после революции существенно образом различались [16].

Так, например, Сильвия Уолби в своей известной работе «Теоретизируя патриархат» [36] также предлагает многополюсную модель гендерной системы, выделяя в отдельные сферы оплачиваемый труд, домашнее производство, культуру, сексуальность, насилие и государство. Однако различные стороны гендерной системы здесь представлены именно как сферы социальной жизни, аспекты патриархата как институционализованного неравенства гендерных отношений.

Коннелл же, напротив, выделяет четыре измерения гендерных отношений, которые считает самостоятельными и равнозначными, и рассматривает их дифференцированно (надо сказать, что, если в ранних работах он иногда называл их структурами, то в более поздних избегает этого термина и говорит просто об «измерениях»:

- отношения власти;
- производственные отношения (разделение труда);
- катексис (эмоциональные отношения);
- символические репрезентации.

Суть его модели в том, что эти измерения не просто описывают разные типы практик или разные сферы жизни, но различаются между собой разными паттернами гендерных отношений, то есть не своей социальной локацией, а своим принципиальным устройством. Коннелл пишет, что главный организационный принцип первого «измерения» — это неравная интеграция, второго — напротив, отделение или разделение, сегрегация. Структура катексиса подразумевает паттернизацию объекта желания, символические структуры предполагают дихотомизацию, противопоставление мужчин и женщин и сведение множественных вариантов мужественности и женственности к двум стереотипным противоположностям [22, р. 24–26].

Можно сказать, что в каком-то смысле эти аспекты гендерных отношений до того описывались разными научными теориями: производственные отношения — марксизмом и социалистическим феминизмом; властные (применительно к гендеру) — феминистской теорией патриархата; катексиса — психоанализом, символическое, соответственно, теорией коммуникаций. Однако во всех этих научных школах и направлениях Коннелла не вполне устраивает сам способ теоретизирования — даже в марксизме ему недостает измерения «практики». Он настаивает на том, что его модель представляет собой структурное описание, или даже «инвентаризацию», имеющих практик, подход, с позиций которого их надо анализировать.

Поскольку это разделение гендерной системы на автономные структуры является наиболее известной идеей Коннелла, стоит остановиться на нем более подробно. В своем анализе *отношений власти* Коннелл, в первую очередь, подчеркивает, что центральную ось силовой структуры гендера составляет генеральная связь власти с маскулинностью. Но это положение осложняет наличие второй оси: лишение некоторых групп мужчин власти и в целом построение иерархий с сосредоточением власти на разных уровнях *внутри* основных гендерных категорий. В качестве «ядра» силовой структуры гендера (по сравнению с более рассеянными или оспариваемыми паттернами власти на периферии) Коннелл выделяет четыре компонента:

- 1) иерархии и институты институционализованного насилия — военные силы, полиция, система тюрем;
- 2) иерархии трудовых организаций в тяжелой промышленности (например, сталелитейные компании) и иерархия индустрии высоких технологий (компьютеры, аэрокосмическая промышленность);
- 3) аппарат планирования и контроля централизованного государства (и бюрократия в целом);
- 4) среда рабочего класса, делающая акцент на физической силе [20, р. 107-111].

При этом он подчеркивает, что эти компоненты связаны между собой идеологией, объединяющей маскулинность, власть и технологическое

насилие. Именно эта связь имеет решающее значение для гендерной политики, поскольку обеспечивает массовую базу для милитаристских взглядов и практик.

В своем анализе гендерных властных отношений Коннелл стремится объединить два разных подхода к пониманию власти: власть как легитимная сила, действующая через посредство специальных институтов, форма подавления одних социальных групп другими, и власть в том смысле, в каком о ней писал Фуко, — дисперсная, всепроницающая, дискурсивная [12]. Оба этих подхода не исключают друг друга и полезны для понимания гендерных отношений, которые являются объектом воздействия и организованной, институциональной власти, и диффузной, дискурсивной. Обе разновидности власти должны встречать, и реально встречают, сопротивление. В этом плане трактовка Коннеллом властных отношений оставляет место для оптимизма: он полагает, что тотального доминирования не удастся реально достичь ни одной социальной группе и ни одному режиму и гендерная власть также не является тотальной.

Что касается гендерных *производственных отношений*, то они подразумевают, во-первых, разделение на «мужские» и «женские» профессии, при котором женщины заняты в непрестижных и малооплачиваемых областях (горизонтальная сегрегация); во-вторых, разделение между высококвалифицированным и низкоквалифицированным трудом, при котором большая часть женщин по сравнению с мужчинами выполняет работы, не требующие высокой квалификации (вертикальная сегрегация); в-третьих, разницу в оплате мужского и женского труда.

Разделение труда по полу было первой гендерной структурой, попавшей в сферу внимания социальных наук; до сих пор оно остается одной из самых дискуссионных тем в гендерной экономике, социологии и антропологии. Существует множество теорий, объясняющих этот феномен как с феминистских (с акцентом на отношения власти), так и с нефеминистских позиций. В задачи данной статьи не входит подробный анализ этой дискуссии, однако для понимания позиции Коннелла важно сопоставить ее хотя бы с влиятельнейшей теорией человеческого капитала, сложившейся в русле неоклассической экономики.

Согласно этой теории, более низкие зарплаты женщин являются результатом действия рыночных законов. Зная, что им придется провести много лет вне рынка труда, заботясь о своих семьях, женщины сознательно решают не делать инвестиций в человеческий капитал (профессиональную подготовку, приобретение профессионального опыта и квалификации). Поскольку они имеют более низкую квалификацию, они меньше зарабатывают. (Если же женщины инвестируют в человеческий капитал, мужские и женские зарплаты выравниваются. Это характерно, например, для выпускников учебных заведений, работающих по одной и той же профессии.) [2, с. 381–486].

Однако исследования показывают, что даже если контролировать такие переменные, как образование, возраст, стаж работы, трудовая мотивация, являющиеся основными составляющими человеческого капитала, пропорция различий в зарплате между мужчинами и женщинами, не объясняемая этими переменными, составляет 92% [33]. Там, где не существует формализованного штатного расписания, учитывающего объективные различия в стаже, образовании и т. п., например в теневой экономике, разрыв между мужскими и женскими зарплатами еще выше [28].

Как отмечает Катерина Кац, неоклассическая микроэкономика в своих объяснениях весьма интенсивно использует метафоры; например, люди делают «инвестиции» в самих себя, как если бы они представляли собой некое предприятие, принадлежащие им самим или их родителям. Однако метафора не является доказательством, и объяснение получается слишком упрощенным. При выборе рода деятельности большое значение имеют не только «максимизация экономического результата», но и другие соображения, а именно профессиональные интересы, статус, моральное удовлетворение и многие другие вещи. Особую роль играют социальные нормы: насколько та или иная работа считается «подходящей» для мужчины или для женщины. Неоклассическая модель же имеет дело с атомизированным индивидом, принимающим решения независимо от своего социального окружения.

Обладая низкой чувствительностью по отношению к культурным смыслам, в каких-то отношениях неоклассическая теория является шагом назад по сравнению с марксистской парадигмой, в которой зарплата рассматривается не просто как функция производительности труда и часть процесса производства, но как исторически сложившийся феномен, отражающий социальные представления о приемлемом вознаграждении за труд. И для женского и мужского труда эти представления могут быть (и бывают) разными.

Специфика подхода Коннелла, учитывающего, в том числе, и аргументы теории человеческого капитала, состоит в том, что, по его мнению, «разделение труда по полу» не может больше рассматриваться как изолированная структура. Ее следует воспринимать как часть более масштабного паттерна, гендерно-структурированной системы производства, потребления и распределения. В основе этого паттерна лежит не профессиональная сегрегация, а более первичное разделение на оплачиваемый труд в системе рыночного производства и домашнюю работу, и это разделение является структурным базисом современного западного гендерного порядка. Первая сфера устойчиво считается мужской, а вторая женской, несмотря на все более активное участие женщин в капиталистическом рынке труда, и в этом отличие западного гендерного порядка от незападных и некапиталистических обществ. Работа в этих сферах имеет разное культурное значение: в

сфере производства работа выполняется за плату, рабочая сила служит товаром, и продукты этого труда предназначены для рынка. Домашний труд выполняется в силу взятых на себя обязательств («любви»), и продукты его бесплатны.

Разное положение мужчин и женщин на рынке труда, разный (подразумеваемый) культурный смысл мужской и женской работы приводит к различиям в их экономических возможностях. Происходит, по выражению Коннелла, процесс *гендерной аккумуляции* [19, р. 61–62]. Так, в 2003 г. в России отношение среднемесячной женской зарплаты к зарплате мужчин составляло всего 64% [5, с. 108]. Основными механизмами этой аккумуляции в современных экономиках служат крупные корпорации и глобальные рынки. Гендерные режимы этих институтов позволяют им по-разному использовать и оценивать труд работающих в них мужчин и женщин. Способ распределения прибылей корпораций, включающий структуру зарплаты, социальные пакеты, дивиденды и т. п., наиболее благоприятен для мужчин, поскольку предполагает максимальное вознаграждение именно для топ-менеджеров, среди которых женщин очень мало.

Эмоциональные отношения, которые в своей классической работе Коннелл обозначил психоаналитическим термином «катексис», означающим эмоциональное притяжение к объекту (которое может быть как позитивным, так и негативным, враждебным), являются более широким понятием, чем «сексуальность», которой обычно оперируют феминистские теоретики. Тем не менее, сам выбор терминологии указывает, что Коннелл здесь опирается на психоаналитическую традицию и считает, что корни этого притяжения находятся в области бессознательного. В качестве примеров «негативного катексиса» он приводит мизогинию и гомофобию, предрассудки, направленные, соответственно, против женщин и гомосексуалов [19, р. 65]. Катексис также может быть амбивалентным, сочетающим в себе любовь и ненависть. Таким образом, сексуальность является лишь одной из арен, хотя, вероятно, наиболее важной, где представлены отношения катексиса.

Коннелл выделяет некоторые принципы организации структуры катексиса в современных капиталистических обществах. Один из них — это дихотомизация и противопоставление друг другу гетеро- и гомосексуальных отношений. Он подчеркивает, что это противопоставление и выделение гомосексуалов — геев и лесбиянок — в особую группу людей является конструктом, присущим далеко не всем культурам. Негативный катексис, направленный на гомосексуалов, может принимать экстремальные формы, вплоть до избиений и убийств.

Отношения катексиса, выраженные в качестве символических фигур, таких как Родина-Мать, защитники Отечества (всегда в мужском роде) и т. п., часто активно используются в националистической пропаганде.

Далее, в современном западном обществе предполагается, что семьи создаются на основе взаимной романтической любви, сильной эмоциональной привязанности между двумя партнерами. В связи с культурным доминированием Запада этот принцип постепенно становится популярным и в других обществах, и это ведет иногда к сильному культурному напряжению, как, например, в традиционных мусульманских семьях, в которых предполагается, что брачных партнеров для детей выбирают родители. Коннелл подчеркивает, что эта практика не является выражением «отсталости и консерватизма», а имеет свои рациональные основания: браки, основанные исключительно на эмоциональном притяжении в целом, как институт, оказываются гораздо менее прочными.

Другим принципом построения выступает организация сексуальной практики во взаимоотношениях гетеросексуальной пары, которой присущ «двойной стандарт» поведения. Члены гетеросексуальной пары не только различны, они еще и специфическим образом неравны. Гетеросексуальная женщина сексуализируется как объект иначе, чем гетеросексуальный мужчина. Индустрия моды, индустрия косметики и содержание массовой прессы служат тому осязаемым доказательством. Например, на шикарных фотографиях на обложках и женских, и мужских журналов изображены женщины, разница заключается лишь в том, как модели одеты и в каких находятся позах. Говоря обобщенно, эротическая взаимность в гегемонистической гетеросексуальности базируется на неравном обмене.

Коннелл считает также важным для организации отношений между полами разделение труда между мужчинами и женщинами в эмоциональной сфере и возложение практически исключительно на женщин «эмоциональной работы», предложенные А. Хохшильд, причем как дома, так и на рабочем месте [26]. «Коммерциализация эмоций» в сочетании с гендерными стереотипами становится все более характерной для современного общества.

Символические отношения Коннелл добавил к трем описанным выше измерениям, лишь развивая свои идеи в двух последних работах [19, р. 65–68; 22, р. 26]. Подвигло его на этот шаг признание исключительной важности коммуникационной составляющей в любых социальных отношениях. Он обращает внимание на то, что в коммуникации участвуют символические структуры, такие как правила грамматики и синтаксиса, визуальные и звуковые знаки и т. п. Все они являются важными аренами гендерных практик. Например, гендерные различия чаще всего выражаются в качестве символической оппозиции (а не в виде многообразия гендерных образов), и это усиливает понимание гендерных позиций как дихотомических. Отношения власти и подчинения могут воспроизводиться через тонкие (а иногда и вполне явные) культурные и лингвистические практики, например через присваивание замужней женщине фамилии мужа. Все

социальные практики включают интерпретацию мира, в этом смысле все они дискурсивны. Социальная жизнь представляет собой мир знаков и значений, которые, в свою очередь, несут на себе следы социальных процессов, создающих эти значения, и это в полной мере относится к «знакам гендера».

Здесь Коннелл частично опирается на лакановский психоанализ и на его учение о фаллоцентричности языка как системы, где маскулинные значения всегда занимают властное положение и имеют привилегированную субъектность. Подход Лакана позволяет понять, почему патриархатные отношения так прочны: они глубоко укоренены в самые основы нашей культуры, откуда язык черпает все значения. Поэтому вся система коммуникации фаллоцентрична.

Коннелл обращает также внимание на то, что хотя язык (как устная речь, так и письмо), лучше всего описан как арена символических гендерных отношений, он не является единственной такой ареной. Важны также визуальные репрезентации в кино и фотографии, символические репрезентации пола с помощью одежды, макияжа, жестикуляции, тональности голоса, стиля речи и т. п. Огромное количество значимых символических репрезентаций заключено в национальных традициях, особенно в процедурах свадебных обрядов.

Однако он не считает при этом, что в рамках существующей культуры «закон отца» непременно торжествует, — все эти арены являются также и аренами сопротивления этой насильственной дихотомизации. В качестве примера он приводит сложные репрезентативные практики культуры трансвестизма, не поддающегося однозначной гендерной идентификации, и более мягкие проявления этой тенденции в моде «унисекс».

Историческая динамика и кризисные тенденции

Предложенная Коннеллом модель дает удобную теоретическую рамку не только для анализа гендерных отношений в современных обществах и в конкретных институтах, но и в историческом разрезе. Гендерный порядок, существующий в каждый данный момент истории и в данном обществе, складывается из определенной конфигурации коллективных проектов. Для того чтобы понять смысл этих проектов, необходимо проследить формирование групп и категорий, в них участвующих, а также типы задействованных личностей, их мотивы и ресурсы. Коннелл многократно подчеркивает, что выделенные им измерения значимы не только для отдельных институтов и общества в целом, но и для взаимоотношений между институтами.

В частности, он позволяет увидеть истоки кризисов и напряжения в гендерных системах, например, современного «кризиса семьи», служащего неистощимым источником «моральной паники» не только в публичном, но нередко и в академическом дискурсе [1]. С точки

зрения теории гендерной системы, причиной кризиса служит зависимость семьи от других институциональных структур, в особенности от государства, и ослабление легитимности патриархата как формы организации властных отношений в семье. Можно говорить о тенденции к *кризису институционализации*, ослабляющему возможность баланса отношений между семьей и современным капиталистическим государством, которые исторически были устроены так, чтобы укреплять и легитимизировать власть мужчин в обеих этих сферах.

Другой «кризисной точкой» можно считать *кризис сексуальности*. Исторически гетеросексуальная маскулинность была связана с исключением и вытеснением определенных форм желаний и отношений, которые послужили источником для формирования маргинализованных форм маскулинности, в особенности гомосексуальной. В идеале должно существовать равновесие между гегемонной гетеросексуальностью и стабильным обменом катексисом в рамках отношений супружеской пары. Но такое равновесие в реальности существовало только за счет подавления всего, что выбивалось из этой схемы и сопротивлялось ей — на уровне как психики, так и реального поведения. Психоанализ хорошо описывает это противоречие между привязанностью и запрещенными импульсами.

Однако либерализация сексуальных отношений после «сексуальной революции» привела к значительным изменениям в этой сфере жизни. Отныне сексуальность, благодаря своей массовой коммерциализации, становится все более вынесенной во внешний мир, все более отчужденной — и это разрушает взаимность интимных отношений на межличностном уровне.

Наконец, третий аспект кризиса, на который указывает Коннелл [20, р. 158–163] — это *кризис формирования интересов*. Возникает база для социального конституирования новых интересов, не соответствующих тем паттернам, которые характерны для гендерной системы капиталистического общества. Так, например, если к таким гегемонным паттернам относится построение интересов замужней женщины преимущественно вокруг ее мужа и детей, то ее интересы как члена трудового коллектива — это новый паттерн.

Эти три тенденции, безусловно, не являются исчерпывающими для описания кризисных точек существующего гендерного порядка, но хорошо их иллюстрируют.

Гендер и социальная стратификация

Парадигма Коннелла очень важна также потому, что предлагает свою версию ответа на один из ключевых вопросов современной гендерной теории: как гендерные различия соотносятся с другими типами социальной стратификации, с другими типами неравноправных, властных отношений? Коннелл подчеркивает, что гендер как структура

социальной практики, или как «композиция» (которую он называет также «гендерным порядком», или «системой»; надо сказать, что употребление этих понятий в качестве синонимов не вполне корректно и не способствует ясности аргументации), пересекается или, точнее, взаимодействует с расой и классом, а также такими переменными, как национальность или место в мировом порядке [21, р. 75]. Эта идея, безусловно, не является оригинальной: об этом же писал, в частности, Мак Эн Гайлл, подчеркивая важность взаимодействия между главными организующими социальными принципами, такими как возраст, класс, раса/этничность, пол/гендер и физический статус (состояние здоровья) [31, р. 4]. Рамазаноглы в своей дискуссии с Хаммерслеем также указывает на важность пересечения гендера и сексуальности с расой/этничностью и классом. Она полагает, что эти взаимодействия играют «фундаментальную роль для полного понимания социальной жизни» [34, р. 209].

Как видно хотя бы из этого перечисления, разные авторы называют разный, хотя и близкий, набор «фундаментальных категорий», с которыми пересекается и взаимодействует гендер. При желании к ним можно добавить также сексуальную ориентацию, религиозную идентичность, которая, как показывают последние глобальные события, может играть большую роль, чем собственно этничность, и т. п. Безусловно, добавление каждой новой категории делает анализ более глубоким и чувствительным, но одновременно порождает и определенные эпистемологические проблемы, которые становятся особенно заметными, если мы перейдем на уровень эмпирических исследований. Каждая из этих социальных переменных пересекается не только с переменной «гендер», но и со всеми остальными. В результате мы получаем чрезвычайно громоздкую модель социальной структуры — количество итоговых групп, как пишут Силей Харрисон и Худ-Уильямс, по самым скромным подсчетам может достигнуть 288 [18]. Это делает задачу исследователя, обращающегося к конкретной социальной проблеме, достаточно абсурдной.

И дело здесь не в том, что те или иные переменные «первичнее» других или что итоговая модель будет слишком сложной, — прежде всего, она не будет работать как объяснительный механизм, потому что не все социальные категории в равной степени релевантны любой конкретной ситуации. При этом их относительная важность может быть предметом очень острой дискуссии, как, например, в левом движении 1970-х годов, где горячо обсуждалось, какой тип угнетения первичен — классовый или половой [17, 23, 24]; или в постколониальном феминизме, где аналогичные дебаты ведутся вокруг полового и расового неравенства [27, 30].

Отдавая себе отчет в этой методологической проблеме, Коннелл настаивает на том, что важны не сами категории «мужчина» и «женщина»,

и даже не пересечение их с другими социальными переменными, такими как класс, раса и, например, этничность или возраст. С его точки зрения, возникающая в результате этих пересечений социальная матрица является всего лишь еще одной разновидностью категориального подхода, только содержащего больший набор категорий. Многообразии типов маскулинности и фемининности не может быть выведено из суммирования таких характеристик и взаимопересечения разных переменных. Мы можем получить реальные социальные группы только исходя из того, какими практиками они сформированы. Конечно, все эти переменные имеют большое влияние на практики и интересы, но они их не определяют полностью.

Вернемся к проблеме «пересечения» гендера с другими социологическими категориями. Сама метафора «пересечение» предполагает одновременно и отсечение, существование независимых друг от друга, не пересекающихся друг с другом полей: скажем, женщин буржуазии и женщин рабочего класса. Но, на самом деле, взаимодействие гендера с классом носит куда более сложный характер — обе переменные не только «пересекаются», но и существенным образом меняют друг друга, придавая друг другу новые смыслы.

Так, например, по мнению Е. Гаповой, гендер является наиболее элементарной составляющей процессов классовообразования и национального строительства: «Процесс исключения женщин имеет в большей степени экономическую основу и проистекает, с одной стороны, как сексуализация женщин (обладание женщинами и их «потребление» является маркером классовой позиции мужчины), с другой — как их «одомашнивание» (делегирующие их в частную сферу, передача им функций по ее обслуживанию и воспроизводству). Ограничение доступа женщин к ресурсам и их общая репрезентация в качестве «непроизводительных» и «предметов обмена» есть часть процесса формирования классовой структуры» [4]. Здесь речь идет уже о всех женщинах как классе, о том, что становление капитализма как социальной модели само по себе подразумевает определенную конфигурацию гендерных отношений, — идея, для феминистской мысли не новая [23, 25], но заставляющая постоянно возвращаться к ней на каждом новом этапе развития гендерной теории.

Однако соотношение категорий «класс», «гендер» и «этничность» при этом подходе по-прежнему остается неясным, более того — еще сильнее запутывается. К сожалению, предлагаемая Коннеллом замена идеи «пересечения» идеей «взаимодействия» (interact), или «взаимосвязи», как у Мак Эн Гайлла [31, р. 172], также не спасает положения. Ни взаимодействие, ни взаимосвязь сами по себе не меняют суть участвующих в них агентов: как замечают Сили Харрисон и Худ-Уильямс [18], «грузовик и трейлер, будучи сцепленными между собой, продолжают быть грузовиком и трейлером», то есть

отдельными предметами, не представляющими собой нового феномена. На самом же деле, главный аналитический интерес вызывают *трансформации* обоих (или большего количества) социальных категорий, вступивших во взаимодействие, в результате чего и образуется некая новая социальная данность (например, «бизнес-вумен», «рэкетир», «олигарх» и т. п.), не сводимая к алгебраической комбинации различных составляющих.

Любопытно отметить, насколько притягательна оказывается для Коннелла структуралистская логика, хотя он от нее и отмежевывается. Так, в своей классической работе «Гендер и власть» он критикует вышеописанный подход, называя его «категориальным», то есть статичным и производным непосредственно от оппозиционных друг другу категорий. Особенно резко он обрушивается на присущий этому подходу евроцентризм, заставляющий рассматривать, например, ритуальное самосожжение вдов в Индии, обычай бинтования ног в Китае и порнографию в современных США как однопорядковые явления, порожденные единой структурой [20, р. 58–61]. Однако, несмотря на это, в следующей книге «Маскулинности» он предлагает исторический скетч длиной около семнадцати страниц, посвященный «формированию маскулинности в ходе становления современного мирового порядка» [21, р. 186–203] и представляющий собой свободное скольжение по разным странам и событиям, имевшим место с 1450 г. до наших дней. Остается неясным, каким образом он осуществляет свой переход от безукоризненно логичных аргументов, на которых основывается его критика категориального подхода, к тезису о том, что гендер является структурой социальной практики.

Таким образом, ключевой вопрос: что же представляет собой гендер как социальная категория, остается открытым — какими бы мы аналитическими способами не сопрягали его с другими социальными категориями. Конечно, сложно было бы считать, что каждый пример гендерного дискурса и социальной атрибуции гендера является уникальным, неповторимым и неподдающимся обобщениям. Дискурсы и практики действительно имеют общие свойства, как с концептуальной, так и с практической точки зрения. И Коннелл последовательно настаивает на том, что если уж мы все-таки считаем категорию «гендер» необходимой, то следовало бы обозначить поле ее применения, а именно отнести ее к исследованиям, связанным с изучением положения человеческих существ в социуме, которое определяется их предполагаемой ролью в репродукции человека. Но при этом он стремится также охватить общее и исторически изменчивое, тело и знаки культуры, и в итоге его определение выливается в довольно неуклюжее онтологическое заключение: «В гендерных процессах повседневная жизнь организовывается относительно репродуктивной арены, определяемой строением тел и процессами репродукции человека. Эта арена

включает сексуальное возбуждение и половой акт, деторождение и заботу о детях, половые различия и сходство человеческих тел. Я называю это именно “репродуктивной ареной”, а не “биологическом основании”, чтобы подчеркнуть мой тезис, сформулированный во второй главе, — мы говорим здесь об исторических процессах, в которых участвуют человеческие тела, а не о фиксированном наборе биологических детерминант. Гендер — это социальная практика, которая постоянно соотносится с телами и с тем, что они делают, но она отнюдь не может быть редуцирована до просто телесной практики» [21, р. 71].

В этом определении, если можно так выразиться, «слишком много тела». Не вполне можно согласиться с тем, что гендер «постоянно соотносится с телами»: он скорее соотносится с такими понятиями, как «мужчина» и «женщина», между которыми предполагаются фундаментальные различия — как на морфологическом уровне, и так на уровне презентации себя таковыми.

И потом, признание за какими-либо социальными феноменами общих черт еще недостаточно для того, чтобы говорить об их системности или структурности. Системный или структурный подход предполагает априорную связь или сопряженность, подчиняющуюся определенному шаблону и приводящую к общим результатам. Сама по себе общность феноменов этого еще не означает; следовательно, конкретные дискурсы и практики, а также исторические обстоятельства, при которых они существуют, скорее нуждаются в тщательном эмпирическом исследовании и описании, направленном на выявление их *специфических*, а не только общих черт.

Таким образом, многие аспекты теории Коннелла остаются, что вполне естественно, дискуссионными, да и сама эта теория постоянно развивается и видоизменяется в его же собственных текстах. Тем не менее, она содержит много ценных черт, благодаря которым уже почти два десятка лет пользуется большой популярностью в гендерных исследованиях, последнее время — также и в российских. Будучи «теорией практик», она поднимается до весьма широких, и даже глобальных обобщений, стремясь не упустить при этом из виду сами практики. Несмотря на все дискуссионные моменты, она сама достаточно хорошо структурирована, чего, к сожалению, нельзя сказать о многих феминистских работах. Будучи чувствительной к феминистской критике научного дискурса, она вполне отвечает общепринятым академическим критериям, что позволяет достаточно легко инкорпорировать ее в «мейнстрим» социологического знания. Насколько это политически оправданно — другой вопрос, но автору этой статьи проект создания параллельной «феминистской науки», выдвигающей свои собственные критерии научности, не представляется удачной стратегией. Она направлена именно на изучение *отношений*, то есть того, как люди, группы и организации связаны между собой и какие между

ними существуют разделения и барьеры. Это делает подход Коннелла очень удобным теоретическим инструментом для планирования и проведения эмпирических исследований, в нем нет никаких принципиально непроверяемых тезисов. При этом отношения не подразумевают обязательного непосредственного взаимодействия, они могут быть опосредованы, например, рынком или определенными технологиями, такими как телевидение и Интернет.

И, наконец, это теория политического действия, стремящаяся не только занять свою нишу в академии, но и принести практическую пользу всем, кто заинтересован в достижении гендерного равенства и утверждении прав человека. При этом возможными аренами и практиками политического действия, как показывает Коннелл, могут быть не только общественные движения, парламентские дебаты и изменение законодательства: это и каждое рабочее место, и семья, и сфера интимных отношений. Четыре измерения гендерной системы позволяют сделать видимыми разные способы поддержания неравенства, а значит, и предложить новые стратегии по борьбе с этими неравенствами. «Теория практик» доказывает, что все гендерные структуры существуют в виде систем повторяющихся практик — и с помощью практик же могут быть изменены.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века: размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М.: Грааль, 2000.
2. Беккер Г. Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ-ВШЭ, 2003.
3. Воронина О. Феминизм и гендерное равенство. М.: Едиториал УРСС, 2004.
4. Гапова Е. От гендера к нации с остановкой на классе: Рукопись тезисов выступления на Международном научном семинаре «Гендер по-русски: пределы и преграды», организованном Финской академией наук и Тверским гос. университетом. Тверь, 10–11 сентября 2004 г. (из архива автора).
5. Женщины и мужчины России. 2004: Стат. сб. М.: Росстат, 2004.
6. Здравомыслова Е., Темкина А. Социология гендерных отношений и гендерный подход в социологии // Социологические исследования. 2000. № 11. С. 15–23.
7. Кон И.С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Гендерный калейдоскоп. М.: Academia, 2002. С. 188–208.
8. Коннелл Р. Современные подходы // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 251–279.
9. Мещеркина Е. Бытие мужского сознания: опыт реконструкции маскулинной идентичности среднего и рабочего класса // О муже(Н)ственности: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 268–287.
10. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // Хрестоматия феминистских текстов: Переводы / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 89–140.

11. Ушакин С. Видимость мужественности // Женщина не существует: современные исследования полового различия / Под ред. И. Аристарховой. Сыктывкар: Центр женских исследований ИСИТО, 1999. С. 116–131.
12. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996.
13. Чернова Ж. Романтик нашего времени: с песней по жизни // О муже(Н)ственности: Сборник статей / Под ред. С. Ушакина. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 452–478.
14. Acker J. The problem with patriarchy // *Sociology*. 1989. Vol. 23. No. 2. P. 235-240.
15. Anthias F., Yuval-Davis N. Racialized boundaries: Race, nation, gender, colour and class, and the anti-racist struggle. London: Routledge, 1992.
16. Ashwin S. Introduction: gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia // *Gender, state and society in Soviet and Post-Soviet Russia* / Ed. by S. Ashwin. London: Routledge, 2000. P. 23.
17. Barrett M. Women's oppression today: Problems in Marxist-Feminist analysis. London: New Left Books, 1980.
18. Cealey Harrison W., Hood-Williams J. More varieties than Heinz: Social categories and sociality in Humphries, Hammersley and beyond // *Sociological Research Online*. 1998. Vol. 3. No. 1 [online]. Date of access: 28.04.2007. <<http://www.socresonline.org.uk/3/1/8.html>>
19. Connell R.W. *Gender*. Oxford: Basil Blackwell, 2002.
20. Connell R.W. *Gender and power: Society, the person and sexual politics*. Cambridge: Polity, 1987.
21. Connell R.W. *Masculinities*. Cambridge: Polity, 1995.
22. Connell R.W. *The men and the boys*. Cambridge: Polity, 2000.
23. Firestone S. *The dialectic of sex: The case for feminist revolution*. New York: William Morrow and Co., 1970.
24. Hartman H. The unhappy marriage of Marxism and Feminism: Towards a more progressive union // *Capital and Class*. 1979. No. 8. 1979.
25. Hartman H. *Capitalism, patriarchy and job segregation by sex* // Ed. by E. Abel, E.K. Abel. *The "signs" reader: Women, gender and scholarship*. Chicago: University of Chicago Press, 1983.
26. Hochschild A. *The managed heart: Commercialization of human feeling*. Berkeley, CA: University of California Press, 1983.
27. Hooks B. *Feminist Theory: From margin to center*. Boston: South end Press, 1984.
28. Katz K. *Gender, work and wages in the Soviet Union: Chapter 2*. Basingstoke: Palgrave, 2001.
29. Levi-Strauss C. *The elementary structures of kinship*. Boston: Beacon Press, 1969.
30. Lorde A. Age, race, sex and class: Women redefining difference // *Sister outsider: Essays and speeches* / Ed. by M.L. Andersen, P.H. Collins. New York: The Crossing Press, 1984. P. 114-123.
31. Mac An Ghail M. *The making of men: Masculinities, sexualities and schooling*. Buckingham: Open University Press, 1994.
32. Mitchell J. *Women's estate*. Harmondsworth: Penguin; New York: Vintage, 1971.
33. O'Neill J., Pollachek S. Why the gender gap in wages narrowed in the 1980th // *Journal of Labor Economics*. 1993. Vol. 11. No 1. P. 205-228.
34. Ramazanoglu C. On feminist methodology: Male reason versus feminist empowerment // *Sociology*. 1992. Vol. 26. No. 2. P. 46-57.
35. Riley D. *Am I that name? Feminism and the category of "women" in history*. Basingstoke and London: Macmillan, 1988.
36. Walby S. *Theorizing patriarchy*. Oxford: Basil Blackwell, 1990.